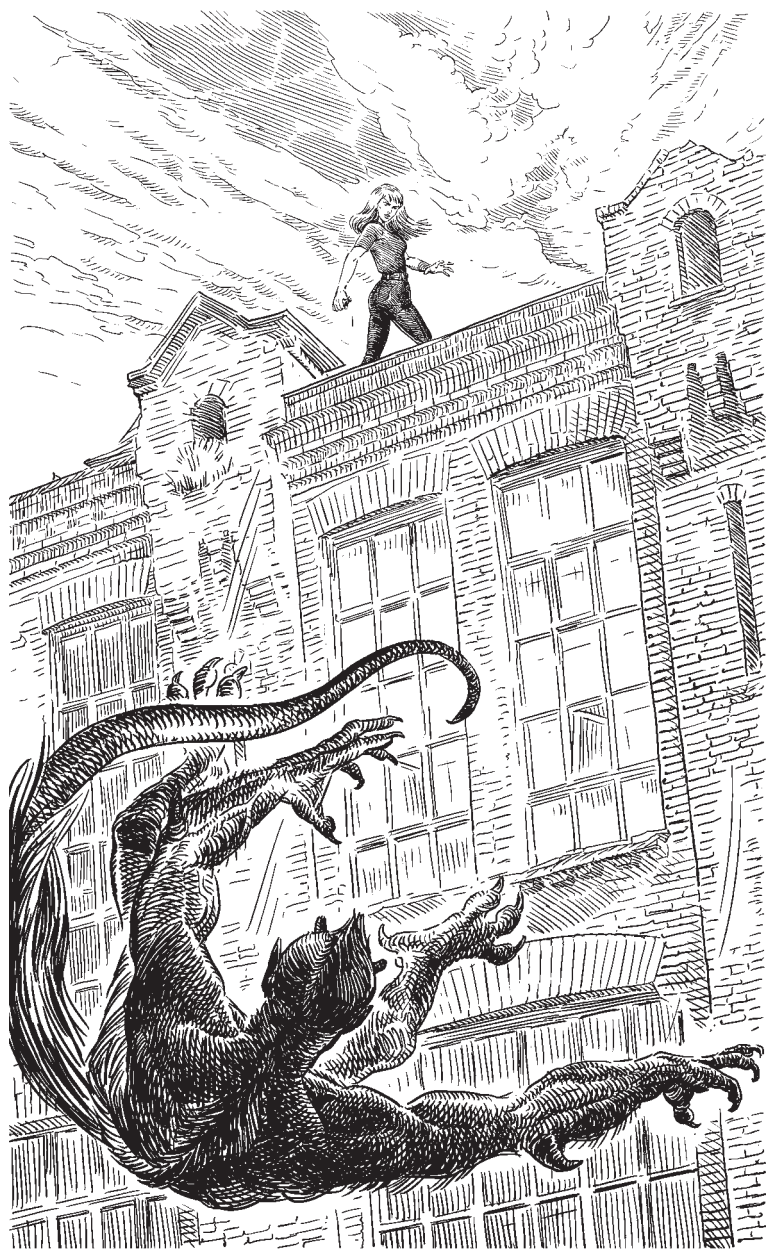

Марина Ефиминюк

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Марина Ефиминюк

Магические узлы

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2017

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Е91

Серия основана в 2011 году
Выпуск 268

Художник
Л. Клепакова

Ефиминюк М. В.

Е91 Магические узы: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2395-8

У людей разные таланты. Кто-то прекрасно говорит на эльфийском, другие отлично продают косметические притирки «Веселена Прекрасная», а я на уровне гения попадаю в неприятности. Ведь найти в кармане пальто браслет, когда-то принадлежавший Гориану Менскому, самому страшному чернокнижнику столетия, большой удачей вряд ли назовешь. В спину летят боевые шары, жизнь висит на волоске, а друзья оказываются предателями! Но, возможно, тот, кого я считала злейшим врагом, поможет мне? Сумеет ли он защитить, сделать так, чтобы браслеты Гориана не стали моими смертельными оковами?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ефиминюк М. В., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2395-8

Глава 1

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ОБЫЧНОГО КЛЕРКА

Весенний Ветих просыпался, стряхивал последние капли предрассветной ленивой дремоты. На перекрестках, выпуская облачка зеленоватого дыма, нетерпеливые автокары¹ дожидались разрешительных сигналов световых фонарей. В небе лениво крутили лопасти винтов вальжные дирижабли и доставляли жителей спальных районов в деловой центр.

Каждое утро я мечтала плавать в кудрявых облачках, с комфортом подремывая в удобном кресле, но мое жалование конторского клерка подобной роскоши не позволяло, а потому приходилось преодолевать испытание переполненным трамваем. Не то чтобы я жаловалась, но когда, как сегодня, толпа прижимала меня к пышной груди высокой дамы-тролля в розовой кофточке, становилось как-то очень некомфортно.

По видению каждый день без устали повторяли, что люди расплодились и притесняют другие расы. Особенно громко об ущемлении прав заявляли утопающие в роскоши эльфы, никогда не знавшие черной работы и наверняка постоянно летавшие на личных дирижаблях. Однако в

¹ А в т о к а р (сокр. автокарета) — самоходное безрельсовое транспортное средство, предназначенное для передвижения по поверхности земли. Первый образец автокара появился в 1769 г. Он представлял собой экипаж с механическим устройством и рулевым колесом и назывался «малая телега». Современные автокары являются не только средством передвижения, но также и предметом роскоши. Первым производство автокаров поставил на поток концерн «Чайка» в городе Валховойске. — *Здесь и далее примеч. авт.*

трамвайной толкучке мне казалось, что притесняют, причем и в прямом, и в переносном смысле этого слова, исключительно меня — худенькую барышню среднего роста в неудобных туфлях и узкой юбке.

Наконец мы остановились напротив большой площади, где многоликий океан тек к каменной башенке городской подземки, над крышей которой светилась строгая лигатура «П». Народ качнулся. Я в последний раз уткнулась носом в низкое декольте соседки и, пока не получила по лбу, ринулась через открытые двери на свежий воздух.

— Сегодня Мировой магический совет принимает закон о контроле над рождаемостью в человеческих семьях! — заорал в ухо усатый разносчик газет. Через его согнутую руку были перекинута все еще пахнущие типографской краской газетные листы.

Непроизвольно я отшатнулась от крикуна, и тут же кто-то подленько наступил мне на задник туфли. Стоило оглянуться со свирепым видом, как взгляд уткнулся в знакомую розовую кофточку. Дамочка-тролль, определенно желая поскандальить, многозначительно изогнула выщипанную бровь. К сожалению, мы находились в «разных весовых категориях», как сказал бы мой отец, бывший страж, вышедший в отставку по выслуге лет. В общем, ход и итог поединка легко предсказывались.

— Ничего страшного, — фальшиво улыбнулась я.

В подземке гуляли сквозняки, пахло сыростью, все вокруг пропитал прогорклый запах угля. Изнутри станция напоминала сумрачную сводчатую пещеру. На самом видном месте в воздухе мерцал морок большого магического экрана со сводкой погоды в тоннелях и на платформах.

«Уважаемые пассажиры! Будьте осторожны! Сегодня густой туман!» — гласили крупные светящиеся буквы. Ниже шла мелкая строчка: «Приносим свои извинения за доставленные неудобства!»

Мысленно я добавила: «А также за сломанные каблуки, порезанные гоблинами-карманниками сумки и травмированные ноги, потому что мы не успели убрать после вчерашнего камнепада».

Впрочем, туман был предпочтительнее отключения света — оно стихийным бедствием грянуло в понедельник. В то черное утро яркие магические огни безуспешно заменили факелами, но темнота исключительно пагубно сказалась на моем имуществе суммой в десять целковых.

На платформу народ спускали лифтовые кабинки, похожие на клетки с деревянными лавками. Заскочив в одну из них, я получила чувствительный удар дверью по мягкому месту и, охнув, плюхнулась на скамью рядом с аггелицей. Пассажиры тесной кабинки отчаянно делали вид, что близость опасного создания их нисколько не смущает, но в воздухе все равно ощущалась нервозность.

После Мировой войны аггелы¹, обладатели магии огня, превратились в изгоев. Их боялись, сторонились и еще в детстве клеймили особой печатью, перекрывающей магический дар. Чтобы не было повадно выступать на стороне зла, в смысле на стороне Черного диктатора.

Исподтишка я покосилась на соседку. Красная кожа, желтые глаза с кокетливыми стрелочками. Из-под густых каштановых прядей высовывались маленькие круглые рожки. Длинные пальцы с черными от природы ногтями выстукивали по сгибу руки какой-то мотивчик. Модный узкий пиджак вызывал зависть, только вот гладкий хвост, обернутый вокруг руки, смущал. Не то чтобы я против хвостов...

¹ Аггелы — национальное меньшинство. Основное наречие вплоть до 1912 г. — латынь. Единственная раса, обладающая способностью использовать природную магию. В отличие от людских магов, не могут творить колдовство, но под действием природных сил перекидываются в зверей. По особому указу Мирового магического совета с 1915 г. всех аггелов, достигших десятилетнего возраста, клеймят особой печатью, перекрывающей магические способности.

Видимо, нервы у нее были покрепче многих. Она будто бы не замечала коллективной оторопи курятника, состоящего из приличных фейри, и с непроницаемым видом рассматривала на стене морок улыбочивой нимфы, рекламирующей карту сберегательного банка.

Клетка между тем дернулась, и мы ухнули в пропасть. Застонали тросы. От стремительного падения подвело живот, растрепались волосы.

Внизу разливался молочно-белый туман, превращавший подземелье в сумеречный мир. Пассажиры стали походить на бестелесных призраков, побледнели краски. То и дело кто-нибудь спотыкался и с головой нырял в густую туманную завесу. Потом выныривал, с дурацким видом оглядывался вокруг, поспешно оправлял одежду.

Кабинка с грохотом остановилась, и меня вместе с остальными поглотил туман. От царивших вокруг серости и сырости народ пребывал в угрюмом настроении. Доковыляв до платформы, я остановилась рядом с представительным троллем с развернутым газетным листом в руках. Не справившись с соблазном, заглянула в чужую газету и искала результаты ежегодного конкурса менестрелей «Город-виденье». Судя по деликатному молчанию прессы, Ветих снова оказался не у дел. Зато первая полоса кричала крупным заголовком: «На Мировом аукционе будет продан браслет Черного диктатора!»

«Черным диктатором» называли чернокнижника Гориана Менского, из-за которого чуть больше века назад началась Мировая война. Противостояние между расами длилось около семи лет и унесло жизни миллионов ни в чем не повинных фейри. Оно же стерло границы между государствами и на долгие годы загнало аггелов в закрытые резервации.

Вдруг туманная платформа взорвалась возмущенными возгласами и неясным движением. Краем глаза я заметила мужскую фигуру и намертво вцепилась в ридикюль. Од-

нако случилось странное. Вместо того чтобы вырвать сумку, вор заключил меня в медвежьи объятия и крепко-накрепко прижал к себе. Его дыхание было частым и сильным, сердце билось как набат. Секундой позже я полетела на ледяные плиты.

Ридикиоль выпал из рук. Ослепнув от тумана, принялась ощупывать пол, пытаюсь его отыскать, и схватилась за чью-то лодыжку. Сверху испуганно ойкнули, а потом кто-то сжал мой локоть и заставил подняться. Вынырнув на поверхность туманной завесы, я едва не ревела от обиды.

— Вы в порядке? — Троль протянул мне потерянную сумку. Застежка каким-то образом отлетела, и наружу вылезали милые девичьему сердцу мелочи, а еще забытые вчерашние бутерброды, завернутые в бумагу.

Я выразительно шмыгнула носом.

Наконец гул возбужденной публики перекрыл резкий визгливый свисток состава. В темноте вспыхнула яркая звездочка фонаря, и через секунду из черного тоннеля вырвался паровоз.

Подземный поезд остановился. Троль помог мне подняться на подножку отделанного деревянными панелями вагона. Я сунула проводнику проездной билет и, рухнув на жесткую лавку, с досадой изучила приличную ссадину на коленке и порванные чулки.

Тут снова раздался чей-то вопль. В тумане по опустевшей платформе пронеслись стражи порядка. Проводник махнул машинисту, разрешая трогаться, и захлопнул дверь. Поезд дернулся, проехал пару сажений, а потом с толчком остановился, заставив пассажиров недовольно загудеть.

В оконце я увидела, что странного вора поймали. Его скрутил крепкий парень в вязаной шапке, натянутой до самых бровей. Преступник уставился прямехонько на меня и неожиданно подмигнул, словно у нас двоих имелся какой-то общий секрет. От удивления я даже рот открыла. Нахмурившись, парень в шапке непонимающе обернулся.

От внимательного острого взгляда угольно-черных глаз сердце тревожно сжалось.

Шестым чувством я никогда не обладала, но даже мне стало ясно, что это крайне плохая новость. Просто отвратительная!

После такого потрясения опоздание в контору «Веселена Прекрасная» выглядело мелкой и незначительной неприятностью. Торопясь позвонить и рассказать о несчастье старшему брату Богдану, я резво выскочила из подземелья, напроочь позабыв про стертую пятку и разбитую коленку.

Вымощенная площадь с гранитным изваянием знаменитого поэта прямо перед конторой была наводнена клерками и зеваками. Между высокими башнями под оглушительным солнцем висел воздушный шар с расплывшимся изображением длинноволосой девицы, улыбавшейся со всех флаконов с притирками «Веселена Прекрасная».

Направляясь к зданию конторы, я вытащила из ридикюля коммуникатор, зеркальный приборчик величиной с ладонь с кривой трещиной поперек экрана. От прикосновения на зеркале вспыхнули крупные зеленоватые цифры.

— Богдан, — пробормотала, поднеся коммуникатор к губам.

Приборчик согласно запищал, набирая персональный номер брата. В зеркальце появилась подвижная физиономия тридцатилетнего мужчины. В серых глазах искрился смех. Рот изображения беззвучно зашевелился, пришлось прижать коммуникатор к уху.

С издевательской интонацией автоответчик голосом Богдана оповещал: «Сейчас я не могу ответить, оставьте свое сообщение, и я с вами свяжусь. Веда, если ты сейчас мне звонишь, не забивай эфир своими жалобами!»

— Не забивай эфир своими жалобами?! — возмутилась я автоответчику. — Истомин, ты сволочь! Меня толкнули

в подземке. Я упала, разбила коленку и чувствую себя от-вратительно. Мне срочно требуется сочувствие, и если ты мне не перезвонишь, я не стану тебя жалеть, когда коленку разобьешь ты! Пока.

Я мстительно ткнула пальцем в экран и вошла в высокие двери родной конторы. Вход в здание иллюзорно казался свободным. На самом деле охрана внимательно наблюдала за холлом через магические шары, летавшие под потолком. Если гостю не выписывали пропуск, то его немедленно обездвигивали световым лучом, и парализованный бедняга стоял в нелепой позе до тех пор, пока страдальца не освобождала стража.

Помнится, какой-то шутник стер из базы все данные о начальнике нашего отдела. В одно прекрасное утро маленький аккуратно причесанный гном, неся в руках портфель, а в душе — непомерное эго, поднимался в собственную приемную. Тут-то его и нагнал злополучный луч! Шефа парализовало с занесенной над ступенькой ногой. Бешено вращая налитыми кровью глазами, он ждал освобождения, а мимо, стараясь подавить глумливый хохот, прошмыгивали клерки. Скандал вышел отменный. Позор шефа обсасывали месяца три, но потом умер хозяин конторы, и местные сплетники принялись перетирать подробности его похорон.

Портрет бывшего владельца конторы величественного эльфа Лосиана Толтеа как раз висел напротив входных дверей. Каждый раз, опаздывая, я ежилась под его укоряющим сердитым взглядом, косилась на старинные напольные часы с золотым маятником и старалась поскорее прошмыгнуть к мраморной лестнице на второй этаж.

В приемной отдела продаж за огромным, излишне пафосным для секретаря столом, восседала Лоритаурэлла Толтеа, приходившаяся бывшему хозяину племянницей и сосланная семьей нести трудовую повинность за бесконтрольные растраты семейных капиталов. (Я не знаю точно,

но так поговаривали конторские сплетники). Закинув ногу на ногу, она качалась в кресле на колесиках и, непрерывно жуя фруктовую смолу, разглядывала картинки в свежем каталоге мод.

— Лоритаурэлла! — громыхнул с потолка вопль большого начальника, и эльфийка наморщила носик. — Где позавчерашнее письмо в совет?!

Казалось, свирепый голос руководства бахнул с потолка и заставил меня съежиться. Однако Лори начальственный гнев нисколько не расстроил. Она с индифферентным видом надула из жвачки розовый пузырь, а потом смачно его лопнула. Я же припустила в рабочую каморку, которую делила с полнотелой Жданой и сублильным юношей Здышко.

Втроем мы представляли собой заверченный набор конторских неудачников. Первая мучилась от сознания собственной красоты, второй от неуверенности, а третья, то есть я, страдала из-за жизненной неустроенности и до сих пор жила с родителями.

— Тебя побили? — приветствовал меня Здышко, выглядывая из-за магического экрана ноутбука.

— В подземке толкнули.

— Ты опоздала на полчаса, — заметил он.

— Точнее, на десять минут, — буркнула я.

Ждана здороваться не посчитала нужным. Опираясь локтями на крышку стола, она прижимала к уху коммуникатор и терпеливо внимала речи неизвестного собеседника. Нарумяненное лицо с густо подведенными бровями и карминовыми губами выражало неподдельную скуку.

Плюхнувшись в расшатанное кресло на колесиках, я быстренько дотронулась до блеснувшей пентаграммы на коробочке ноутбука. Со щелчком выдвинулся экран, на столе вспыхнула полупрозрачная клавиатура. На просветлевшем мониторе засветилась наша с Богданом фото-

графия, сделанная на одном из семейных сборищ. Выглядели мы весьма удрученными.

Ждана неожиданно широко зевнула, забыв прикрыть рот, и заявила во всеуслышание:

— Ни слова не понимаю.

Мы со Здышко с изумлением уставились на нее.

— Чего вытаращились? — протянула девица, откинув за спину длинную пшеничную косу. — Она на эльфийском болтает, а я в квэньи ни бе, ни ме, ни кукареку.

— А чего ж ты ее слушала? — изумился любивший порядок педантичный Здышко.

— Да что ж мне, жалко, что ли? — пожалала полными плечами Ждана. — Пусть себе пощечечет, сердешная.

Здышко с подозрением покосился в мою сторону:

— Истомина, а не в твоём резюме упоминался эльфийский язык?

Возникла странная пауза. На лице Жданы расцвела крокодилья улыбка.

— Давай сюда, — недовольно пробормотала я, протягивая руку за коммуникатором.

После Мировой войны и воссоединения народов в обиход для простоты ввели межрасовый язык. На нем теперь изъяснялся весь цивилизованный мир, но все равно лицеистов обучали второму наречию одной из рас. Квэньи для меня выбрала мама. Она представляла, как на шумном семейном празднике я встану на шаткую табуретку посреди гостиной и во весь голос исполню протяжную эльфийскую балладу, так сказать, в оригинале. Мое выступление, по ее разумению, было обязано разжечь в родственниках черную зависть. К счастью, музыкального провала так и не случилось, но детство и отрочество маменька испоганила мне начисто. Как выяснилось, произносить певучие протяжные звуки для человека с полным отсутствием музыкального слуха — гоблинская пытка.

В зеркале коммуникатора отразилось покрасневшее от досады лицо эльфийки.

— Суилад, — страшно гнусава, выдохнула я.

— А? — явно опешила собеседница моему исковерканному «здравствуйте».

— Иня хлар, — покосившись на заинтересованных переговорами коллег, смущенно пробормотала я. Мол, слушаю.

— Девушка, — с легким протяжным акцентом не выдержала эльфийка, — я что-то не пойму. Вы на каком наречии со мной разговариваете?

Сдавленно кашлянув, я пониже опустила голову.

— Я звоню по поводу проданной мне бочки «Вечной молодости»... — запела эльфийка.

— Секундочку! — тут же перебила я собеседницу и обратилась к Ждане, выжидательно упершей руки в бока. — Тут на межрасовом заговорили. Это по поводу «Вечной молодости».

Коллега моментально замахала руками, отказываясь от продолжения беседы.

— Нет уж! — прошипела я, прижав коммуникатор к груди. — Ты продавала эту гадость, теперь расхлебывай!

— Почему я? — зашептала Ждана, выкатив большие голубые глаза.

— Потому что премию от продаж начислят тебе!

— Или штраф, — меланхолично протянул Здышко, что-то внимательно изучавший на экране лэптопа.

Когда Ждана забирала трубку, ее руки заметно дрожали. Прежде чем ответить, она на секунду прикрыла глаза и коротко выдохнула.

— И снова здравствуйте! — сладко проворковала девушка, растягивая губы в фальшивой улыбке, и вздрогнула, когда трубка взорвалась возмущенным воплем.

— Истомина, ты слышала, что сегодня утром на твоей станции человек под поезд бросился? — в тишине, нару-

шаемой лишь нервным шмыганьем Жданы, спросил Здышко.

— В Отрадном? — на всякий случай уточнила я.

— Угу. Новостная лента пестрит сообщениями, — страдавший сильной близорукостью клерк принялся, не глядя, ощупывать документы на столе, чтобы найти в завалах очки.

Меня кольнуло нехорошее предчувствие. Я провела по пентаграмме, начертанной на крышке стола, и по экрану заплясала маленькая стрелочка. Щелчок на иконке в виде черного паучка открыл Мировую информационную сетку.

Среди ярких объемных картинок и зазывных надписей мигала красная строчка со срочной новостью. От короткого клика развернулось изображение хмурого человека, толкнувшего меня поутру в подземке.

«Как мы выяснили, погибший Ерш Цветков работал старшим научным сотрудником Ветиховского исторического музея. Сегодня утром на станции «Отрадное» городского подземелья между ним и неизвестным молодым человеком произошел конфликт. Привлеченная потасовкой охрана подземелья пыталась задержать дерущихся, но гражданин Цветков оказал сопротивление. Он оступился и упал на рельсы как раз в тот момент, когда на станцию прибывал состав. Смерть наступила мгновенно. Второй участник драки скрылся...»

В душе шевельнулось беспокойство. Схватив коммуникатор, я тут же набрала номер Богдана и, выслушав нахальный автоответчик, горячо забормотала:

— Истомин, это снова я. Представляешь, та скотина, которая толкнула меня в подземке, попала под паровоз! Как хочешь, а меня это беспокоит. Перезвони, пока я не начала пить настойку пустырника. Все, пока.

— Ведка, ты чего так побледнела? — спросил Здышко, уставившись на меня из-за толстых окуляров.

— Побледнеешь здесь! — фыркнула Ждана, в раздражении швырнув на стол коммуникатор. — «Вечная молодость» протухла пару лет назад, и теперь милая дама грозит конторе иском к Мировому магическому суду!

— Поздравляю, — не скрывая сарказма и удовольствия, хмыкнул очкарик, — тебя не оштрафуют, а лишат зарплаты на следующие полгода.

— Или уволят, — поддакнула я. — Причем нас всех...

К сожалению, в мрачных прогнозах я никогда не ошибалась. Шеф орал, брызгал слюной и топал ногами. Лицо с крючковатым носом побагровело, а галстук сбился набок.

От страха клерки затаились по кабинетам и наверняка благодарили Единого Четырхликого Бога за то, что начальственный гнев изливался на чужие головы. В смысле на головы «неудачников из каморки».

— На склад! — в конце концов, захлебнувшись словами, закашлялся шеф. — Искать лосьон с нормальным сроком годности!

— Так у лосьона срок годности давно вышел, а с производства его сняли! — выпалила я на одном дыхании.

— Вот и проверишь лично, Истомина! Причем каждую бутылку, — прошипел шеф.

Вылетая в коридор, он с такой яростью громыхнул дверь, что с гвоздика сорвался прошлогодний календарь. После истошных воплей начальника тишина казалась мертвой. Ждана обмахивалась распечатанными на мелованной бумаге накладными и сдувала с румяного лица пряди растрепавшихся волос. Здышко носовым платком рассеянно протер очки, потом подумал и промокнул испарину, выступившую на лбу.

— Единственного не понимаю, — наконец, прервал он молчание, — почему из-за чужой глупости страдаю лично я?

Склад занимал обширное подземелье под зданием, к нему вела крутая винтовая лестница. Словно ягнята, от-

правленные на заклятие, мы понуро спускались в конторские катакомбы. Возглавляла нашу маленькую процессию Ждана на высоченных каблуках, замыкал — шаркающий туфлями подслеповатый Здышко.

В ледяном помещении от сквозняков раскачивались потолочные лампы, а по бесконечным стеллажам с бутылками лосьонов танцевали зеленоватые круги магического света. В жидкостях вспыхивали разноцветные спиральки и шарики, отчего казалось, будто в сумраке загорались звезды. За спиной кто-то шарахнул тяжелой дверью, и мы одновременно оглянулись, словно пугливые кролики.

— Говорят, здесь есть кладовщики, — прошептала Ждана.

— А еще крысы, — вырвалось изо рта Здышко облачко теплого пара.

Промозглый холод заставлял жалко ежиться.

— Какой ряд? — едва слышно уточнила Ждана, вытирая влажные ладони о платье от известного портного.

— Четырнадцатый ряд. Сорок пятый стеллаж. — Очкарик сверился со смятой бумажкой. — Пятнадцатая полка.

В поисках нужного ряда мы двинулись по длинному проходу. Наши шаги эхом разносились по подземелью. Неожиданно между стеллажами мелькнула фигура кладовщика в форменном комбинезоне.

— Эй! — окликнула его Ждана, махнув рукой с выставленным пальцем, как будто пыталась остановить попутку на тракте.

Человечек с ящиком, полным звякающих банок, замер и хлопнул в нашу сторону белесыми ресницами.

— Послушайте! — обратилась сослуживица, но кладовщик с полубезумным видом сорвался с места, точно впервые в жизни слышал человеческий голос.

— Не послушал, — резюмировала я.

— И убежал, — вздохнул Здышко. — Как крыса.

К тому времени, когда нужный стеллаж нашелся, я окончательно окоченела и хлюпала носом. Застыв в нерешительности перед высокими, заставленными бутылками полками, мы синхронно задрали головы. Где-то высоко громоздились сосуды с голубоватым светящимся лосьоном от морщин. На уровне глаз стояли банки с темной густой жидкостью.

— Я принесу стремянку, — задумчиво предложил Здышко, оценив расстояние от пола до бутылей. Он юрко скользнул за стеллаж и с треском проволок по каменному полу ненадежную деревянную лестницу. Я поспешно уступила ему место, когда парень прилаживал стремянку.

— Вот. — Клерк удовлетворенно отряхнул руки.

— Чего вот? — проворчала Ждана, презрительно покосившись в его сторону.

— Залезай, — гостеприимно кивнул очкарик и добавил не без ехидства: — Скалолазка наша.

— Это почему я должна залезать? — зашипела она.

— Потому что из-за тебя нас могут лишить работы! — аргументировал Здышко. — К тому же Ведка в узкой юбке, а я боюсь высоты.

— Я тоже в юбке, — взвилась Ждана, ткнув пальцем на короткий подол платья, обтянувшего пышные формы. — Кто из нас двоих... — Она покосилась на стучавшую зубами меня и исправилась: — Из нас троих — мужик?

Здышко злобно засопел, не желая взбираться на стремянку, ровесницу моего дедушки.

— Видишь, спорный вопрос! — Разъяренная дева не собиралась сдаваться. — Забирайся!

Она хлопнула ладонью по перекладине. Ветхая ступенька звучно хрустнула и ощерилась длинными острыми щепками. Стало ясно, что парень не полезет наверх, даже если с ним пообещают поделиться годовой премией. Хотя, пообещай Ждана уступить премию целиком, сдался бы, как миленький, еще бы и комплименты рассыпал целый

месяц. Но вместо этого она захлопала ресницами и сладко запела:

— Здышко, детка, я лестничку подержу.

— Лучше я лестничку подержу, — отозвался тот с елеинной улыбкой.

Девушка сдавленно зарычала от ярости и прошипела сквозь зубы, ставя на перекладину ногу в красной туфле:

— Ну, сокол, только попробуй мне под юбку посмотреть! Ослепнешь так, что ни одни окуляры не помогут!

— Все равно там смотреть не на что, — едва слышно хмыкнул Здышко, когда Ждана стала подниматься, ловко перебирая руками.

— Я все слышу! — рывкнула она, потянувшись к бутылкам. — Держи лестницу, шутник!

Неожиданно стремянка ненадежно качнулась, и девушка тоненько взвизгнула:

— Мама дорогая! Убийцы!

Мы вцепились в деревянный остов мертвой хваткой.

— Это ты убийца! — взвизгнул клерк. — Почувствуй, как под нами сейчас рушится лестница, только карьерная! Чтоб ты знала, забирался я по ней дольше, чем ты по стремянке!

— Веда, он меня оскорбляет! — попыталась найти союзницу Ждана.

— Он прав, — простучала я зубами, шмыгнув носом от холода. — Если я потеряю работу, то снова не смогу съехать от родителей. Ты давно жила с родителями? Вот и помалкивай теперь!

— Позвони своему брату и пожалуйся на меня, Истомина! — буркнула сослуживица недовольно и потянулась к полке с лосьонами.

Между нами повисло холодное, как воздух подземелья, молчание. Работа спорилась. Неожиданно светильники наверху нехорошо затрещали, свет моргнул. Ждана с очередной искрящейся бутылкой в руках опасно покоси-

лась на потолок. Здышко так и замер с поднятыми над головой руками, а я заранее заволновалась.

Через секунду все магические лампы потухли, и подземелье накрыла тьма. Склад наполнился неясными шорохами, несуществующими голосами и вздохами. Я даже испуганно оглянулась, представив крадущееся за спиной чудовище с вязкими ниточками ядовитой слюны в разъявленной пасти, но темнота была статичной — никакого движения.

— Здышко, держи! — прошептала загробным голосом Ждана, и на одну секунду мерцание лосьона раскрасило ее лицо глубокими тенями.

— Ну, когда они там включают свет? — недовольно пробормотал очкарик, и тут его пальцы скользнули по стеклянным стенкам пыльного сосуда...

С оглушительным звоном бутыль грохнулась на пол. Не сговариваясь, мы прыгнули в разные стороны. К несчастью, приятель остутился и налетел на стремянку. Лестница опасно зашаталась. Ждана истошно завизжала и вцепилась в полку:

— Ба-ба-баюшки!

Вдруг вопль перерос в сдавленный скулеж, и вслед за ним раздался треск. Силуэт девушки живописно ухнул вниз. Какая-то банка звучно хлюпнула, и сверху на меня плеснуло чем-то густым, похоже, испорченным лосьоном. Жидкость потекла по волосам, по лицу, попала в разъявленный рот. А под ногами, распространяя едкое зловоние просроченной магии, ядовитой лужей растекалась «Вечная молодость».

— Ф-у-у! — Я брезгливо вытерла губы. — Мне что-то в рот попало!

— Я тоже чего-то с пола лизнула! — захныкала где-то внизу Ждана.

И только Здышко аггеловским партизаном затаился в темноте.

На мгновение лампы мигнули, обрисовав страшную картину разрушения. Ждана стояла на коленях, пытаясь освободить зацепившийся за щепку на стремянке подол. Здышко судорожно ощупывал пол, ища потерянные очки. Когда светильники окончательно загорелись, жуть предстала во всей печальной красе. На полках валялись черепки от бутылей, стеклянные осколки устилали залитый чем-то темным и густым пол, а стремянка виновато лежала посреди прохода.

Мы подслеповато щурились, пытаясь прийти в себя. Ждана уселась, устало выплюнула прилипшую к губам прядку. К узкому лбу Здышко приклеилась бумажка с расплывшейся надписью: «Быстро портящийся продукт, хранить в холоде». Парень сдернул наклейку, и его брови удивленно изогнулись.

— Мать божья! — пробормотала Ждана и вдруг осенила себя божественным знаком. — Истомина, у тебя губы в крови!

— Шутишь? — Скорчив гримасу, я снова вытерла рот.

— Вылитый упырь, — со знанием дела пробормотал Здышко, поднося найденные очки к глазам.

— Она как будто чье-то горло распорол, — добавила Ждана, ткнув в меня пальцем.

Соседи по рабочей каморке переглянулись и, выказав редкостное взаимопонимание, дружно загоготали. На моей блузке и узкой юбке действительно красовались бурые пятна, и пахли они, надо сказать, отвратительно. Левая рука была в крови по локоть.

— Смотрите! — Здышко поднял осколок с этикеткой. — Здесь написано, что это драконья кровь.

Визгливый смех Жданы резко оборвался, улыбка сползла с лица.

— Не может быть, — пробормотала я, старательно приносясь к рукаву. К сожалению, от густой субстанции действительно шел неудобоваримый солоноватый запах, вызывавший острые приступы тошноты.

— Я думала, что последний дракон сдох лет сорок назад в городском зоопарке, — недоверчиво пробормотала Ждана.

В нашем мире, где почти иссякнувшую природную магию заменила воссозданная искусственно, любые средства, сохранявшие запасы энергии, стоили невероятно дорого. Драконья кровь помогала магам, получившим от расточительных родителей лишь крохи силы, поддерживать запас магии в амулетах, а потому цена за один грамм редкого средства на черном рынке доходила до трехзначных цифр.

— Судя по запаху, это и была кровь того самого последнего дракона, — скорбным голосом резюмировала я.

Замолчав, мы переглянулись.

— Нужно лиять, пока нас не засекли. — Схватившись за полку, Здышко поднялся на нетвердые ноги, но стеллаж затрясся, и сверху на невезучего клерка хлынул поток розоватой жидкости из лопнувшей бутылки. Волосы мгновенно облепили маленькую птичью головку, с носа что-то стекало.

— Кажется, я нашел единственную бутылку неиспорченной «Вечной молодости», — закашлялся сублильный клерк, видимо, глотнувший лосьона.

— Значит, теперь у тебя морщин не будет. — Кряхтя, Ждана встала с пола, но не успела оправить короткое платье, как нога подломилась, и девушка едва не шлепнулась обратно.

Без зазрения совести мы скрылись с места преступления.

В фойе на первом этаже напольные часы громко отбили восемнадцать ударов, официально завершая рабочий день. Тогда я даже не подозревала, что каждая отсчитанная минута приближает меня к откосу, под который вскоре полетят все привычные и казавшиеся тогда невероятно важными вещи.

Глава 2

ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Через раскрытое окно в нашу гостиную проникала ночная прохлада. На небольшом диванчике с продавленными подушками захлебывался храпом отец. К отросшему за время отставки животику он любовно прижимал пульт от магического видения, завернутый в специальный прозрачный мешочек (чтобы циферки не стирались). На большом экране носились объемные фигурки футболистов-троллей. Дом содрогался от воплей болельщиков и азартных возгласов известного спортивного комментатора.

Каменный коттедж никогда не знал порядка, но сегодня он выглядел так, словно внутри произошел магический взрыв. Мама Ярослава паковала багаж для поездки в Бериславль, где в шикарном особняке с видом на Уральские горы обосновалась одна из отцовских кузин. К любым сборам родительница относилась с большим трепетом, а потому в открытом сундуке посреди тесной прихожей беспорядочно росла гора вещей.

Устроившись за кухонным столом, я попыталась отыскать в Мировой информационной сетке какие-либо упоминания об утреннем инциденте. И так, и этак вбивала в строчку поисковика запросы, но абсолютно все упоминания исчезли. Казалось, что утром вовсе не произошло никакой трагедии.

Неприятности на работе вытеснили утреннее происшествие, и я вообще перестала бы о нем думать, но случилось странное. Всю дорогу до дома меня преследовал чужой

пристальный взгляд. Конечно, я не исключала, что просто вообразила слезку, но даже простая мысль о преследователе забавной не показалась и вовсе не способствовала душевному равновесию. Скорее, наоборот — «раскачала лодку».

Мама Ярослава ворвалась в кухню, для чего-то схватила со стола солонку.

— Соль тоже упаковываешь? — полюбопытствовала я.

Родительница с искренним изумлением посмотрела на вещь в своих руках и с превеликой осторожностью, словно пузатая баночка могла цапнуть ее за палец, вернула солонку на место.

— А Богдан звонил? — быстро спросила я, пока мама не упорхнула в коридор.

— Нет, — раздался лаконичный ответ, а следом прозвучало родительское наставление: — Не грызи ногти.

Мама Ярослава скрылась из кухни, а я вдруг обнаружила, что действительно из-за нервного напряжения до мяса надкусила ноготь на большом пальце.

— А вчера звонил? — крикнула я.

— Нет! И позавчера тоже, — ответила родительница из прихожей.

— Почему ты сама ему не позвонишь? — возмутилась я. — У тебя сын пропал!

— Он уже совершеннолетний.

С раздражением я захлопнула крышку ноутбука. Щелкая пружинками и вспыхивая зеленоватыми всполохами, прибор сложился в небольшую плоскую коробочку.

В прихожей затрезвонил домашний зеркальный коммуникатор.

— Ведущка, ответь! — крикнула матушка, каким-то непостижимым образом успевшая улизнуть в спальню на втором этаже.

Выбравшись из-за стола, я подошла к зеркалу. Через рябь в глубине отражения проявлялось крупное лицо пер-

вой семейной сплетницы Галки, прижимавшей к уху трубку.

— Яра! Это тебя! — заорала я, задрав голову.

В ответ наверху что-то загрохотало. На потолке выразительно зашаталась пыльная люстра и взбаламутила световой шарик. Пока распаренная из-за сборов мама спускалась по лестнице, застеленной мятой ковровой дорожкой, Галка в коммуникаторе недовольно морщила нос, словно через трубку чувствовала дурной запах, исходящий от нашего дома.

Тетку, откровенно говоря, я не любила. Еще в детстве вместе с Богданом мы включили сплетницу в состав четверки великой семейной инквизиции, вечно сующей нос в чужие дела.

Схватив с рычага трубку, мама манерно протянула:

— Добрый вечер, моя дорогая.

Почему-то при разговоре с кузинами у нее в голосе всегда появлялись особенные интонации. Складывалось ощущение, что они не разговаривали, а соревновались в размерах очагов на кухне. Галка зашевелила губами.

— Знаю, моя дорогая! — с неприличным торжеством в голосе перебила ее матушка. — Вы собирались в Бериславль летом, а мы решили, что поедем прямо сейчас. Так-то...

Мама спряталась на кухне, устроилась на шатком табурете. Провод трубки натянулся на дверном косяке, и зеркало опасно накренилось. Уничтоженная новостью о поездке моих родителей, Галка разглядывала разгромленную прихожую, где каждая мелочь буквально кричала о том, что хозяева действительно собрались путешествовать. Ненавидящий взгляд сплетницы остановился на мне, и лицо озарилось ехидной радостью. Сразу стало ясно, что она собиралась выплеснуть желчь на самого безропотного жителя нашего дома, то есть на меня.

— Кожа да кости? — удивилась мама и, выглянув из кухни, окинула меня придирчивым взглядом. — Тут ты права. Ведка действительно сильно похудела.

— Зато глаза кажутся больше, — процедила я сквозь зубы и, подхватив с перил подготовленное в дорогу покрывало, завесила коммуникатор.

Мама немедленно высунулась из кухни и поцокала языком:

— Не завешивала Ведка ничего. У нас просто зеркало барахлит.

Потом дамы переключились на обсуждение своей старшей кузины. Я было взялась складывать кое-как наваленные на дно дорожного сундука вещи, но на входной двери дернулась ручка. С улицы донеслись звуки неясной возни. Видимо, Радку провожал очередной поклонник, а поганка забыла предупредить, как сильно бедняга рисковал здоровьем, провожая зазнобу к дверям родительского дома. Лично мои кавалеры никогда не рисковали попадаться на глаза нашему папеньке, считавшему абсолютно всех ухажеров своих дочерей редкостными сволочами. Наверное, если бы родитель узнал, что я давно не девственница, даже по прошествии многих лет нашел бы виновника и заставил его жениться.

Без колебаний я распахнула входную дверь и с немым укором уставилась на припозднившуюся сестру. Она поспешно вытирала размазанную помаду, а у каменного крыльца нервно дрожали густые кусты сирени.

— Что ты так на меня смотришь? — фыркнула Рада.

— Румяна тоже сотри, а то отца удар хватит, — посоветовала я и прикрикнула: — А ты, сидящий в кустах, возвращайся домой. Сейчас идет сезон отстрела женихов, и у отца лежит заряженный солью самострел¹.

¹ Ручное короткоствольное оружие, предназначенное для ведения боя на короткой дистанции с помощью боевых шаров. Боевой шар — это поражающий элемент стрелкового оружия. Состоит из круглой стеклянной оболочки, заполненной боевым заклинанием. При попадании взрывается, поражая цель.

— Ну, Ведка! — Рада сделала страшные глаза.

— Ну — что? — одними губами переспросила я и направилась в дом.

Вскоре гулена вернулась. Она собрала русые волосы в косу, стерла краску с лица и теперь выглядела школьницей, вернувшейся домой после подготовительных курсов. Где, собственно, и должна была находиться весь вечер. Неловко прикрыв за собой дверь, сестра шустро стянула мамины выходные туфли и неторопливо сняла пиджак, сворованный из моего шкафа.

— Пиджак верни на вешалку, — сухо прокомментировала я.

— Как скажешь. — Нахалка накинула дорожный наряд на рогатую вешалку поверх прочей одежды. От того, с какой небрежностью Радка обращалась с вещью, стоявшей дорожке, чем весь ее наряд, вместе взятый, у меня чуть сердце не остановилось.

Я хотела возмутиться, но не успела.

— Ты опоздала на час! — прогрехотал в прихожей возмущенный голос главы семейства, и сестра испуганно икнула. Помятый со сна, нахрапевшийся папаня замер в дверях гостиной, а над его лысой макушкой переливчато пели трубочки восточных колокольчиков.

Отцовского воспитания в отрочестве я хлебнула полным половником, и, надо заметить, Богдан не один год подряд хорошенько развлекался за мой счет. Потом брат при первой возможности сбежал из родительского дома, а папа сосредоточил воспитательные потуги на подростковой Раде. Конечно, мой подконтрольный возраст давно ушел, но я все еще не решалась приглашать в дом поклонников. Страшно представить, какой бы случился кордебалет, но уверена, что редкий мужчина выдержал бы знакомство с моим шумным семейством и не сбежал, мелькая пятками и зажимая под мышкой туфли.

Радка мялась, краснела и бледнела попеременно. В больших, несчастных, как у олененка, глазах заблестели чистые слезы. Актерским талантом, в отличие от академического, природа сестру не обделила. Жаль, что в театральное училище бесплатно поступали только эльфы и нифмы, глядишь, стала бы знаменитостью, хоть какой-то прок вышел бы.

— Папочка... — надломленным голосом простонала провинившаяся.

Она трагически выставила одну руку и сделала неосторожный шаг, задев плечом вешалку. Неустойчивая конструкция немедленно плюхнулась посреди прихожей, едва не прибив главную актрису. Что-то звякнуло о паркетный пол и прокатилось к отцовской ноге. Останавливаясь, поблескивающий серебряный браслет в виде спирали с широкими витками завертелся на месте.

— Это выпало из Ведкиного кармана! — выдавая себя с головой, заявила нахалка и ткнула пальцем в пиджак, покоившийся поверх горы одежды.

— Но пиджак брала ты, — изогнула я брови.

Папа зашевелил густыми усами и, уперев руки в мясистые бока, грозно вымолвил:

— Кто?

Почуяв, что в прихожей разворачивается бой, матушка поскорее попрощалась с кухней и повесила трубку на рычаг. Истинная жена стража в отставке, она воспользовалась военной тактикой внезапного нападения и набросилась на отца с претензиями:

— Что ты пристал к дочери? Ну подарил ей мальчик эту гадость. И что?

— Так ты уже с мальчиками встречаешься?! — От возмущения отец даже подавился.

— Папа, ей семнадцать, — покачала я головой. — Хорошо, что она встречается с мальчиками, а не с какими-нибудь... аггелами.

При моих словах Радка вдруг стала пунцовой. Смущение сестры лучше любых слов говорило, что на этот раз любовью всей ее жизни стал не совсем человек.

— Надеюсь, у него хотя бы хвоста нет? — не удержалась я.

— Нет у него хвоста! — выкрикнула сестра ломким слезливым голосом.

— Какого еще хвоста? — удивилась маменька.

— Что еще за хвостатая сволочь?! — окончательно запутался отец и, не придумав ничего лучшего, прогрохотал: — Ты, Радислава, вместо того, чтобы на свидания бегать, лучше бы к поступлению в университет готовилась!

Положа руку на сердце, еще в младших классах стало ясно, что окончить лицей с приличными баллами сестрица не сможет. Даже если приковать ее кандалами к парте с учебниками — все равно не сможет. Однако отец отказывался смиряться с объективной реальностью и признавать, что его любимая дочь просто не способна учиться.

Поскольку в проповеди произошла удачная заминка, Радка подхватила с пола браслет и опрометью бросилась на второй этаж. А уже оттуда, с безопасного расстояния, заорала, точно блаженная:

— Ты меня, папочка, совершенно не понимаешь, только Ведку с Богданом любишь! Если бы понимал, не заставлял бы дурацкий экзамен сдавать!

По второму этажу простучали босые пятки, громыхнула дверь, и наступила удивительная тишина.

— Изверг ты, Володька, — наконец, махнула рукой мама, — ребенка опять до слез довел.

— Да что я такого сказал-то? — обиделся отец.

— Сделай потише видение, а то голова трещит, — вздохнула матушка.

Плавнo покачивая бедрами, она поднялась на второй этаж, торопясь откачать младшего ребенка от устроенной супругом воспитательной терапии. Проводив ее виноватым взором, тот протянул, обращаясь ко мне:

— Ведка, ну что я такого сказал?!

Я только пожала плечами и, спрятавшись на кухне, остаток вечера отгораживалась от семейства монитором ноутбука.

Дом наконец утих. Слезы, отмеренные на этот вечер, пролились, крики умолкли, семейный оркестр устал. Дирижер в лице мамы сладко посапывал под боком у концертмейстера отца. Первая скрипка Рада, наревевшись из-за горькой отроческой судьбы, провалилась в глубокий сон. И только я, жалкая подтанцовщица, никак не могла улечься.

Морок часов на кухонной стене показывал начало второго. Сумрак затопил первый этаж, лишь ночник с тканевым абажуром, висевший над лестницей, отбрасывал тусклое магическое свечение.

Стараясь не скрипеть старыми исхоженными половицами, я поднялась по лестнице. Открыв дверь в спальню, хлопнула в ладоши. Магический шар в светильнике послушно вспыхнул, а в следующий момент стеклянный плафон пронзительно тренькнул и мелкими осколками разлетелся в разные стороны. Комната вновь погрузилась в темноту. В полосе коридорного света вытянулась моя изломанная тень. Выругавшись сквозь зубы, я прошла в спальню и с недоумением воззрилась на потолок с черными следами взрыва. За спиной тихо закрылась дверь...

Вдруг в заднем кармане штанов заорал смешную песенку коммуникатор. Поскорее, пока звонкий сигнал не перебудил родственников, вытащила аппарат и проверила номер. Он был неизвестен, но в такое позднее время мог звонить только брат.

— Истомин, ты с какого номера звонишь? — В динамике что-то затрещало. — Эй, прием! Богдан, ты меня слышишь?

В ответ — молчание.

— Если ты начнешь тяжело дышать в трубку, станешь похож на маньяка...

— Сейчас ты стоишь посреди комнаты, как раз под разбитым светильником, — прозвучал в коммуникаторе незнакомый мужской голос.

Матерь Божья! И правда маньяк?!

— Послушай, шутник... — начала было я, но тут в темноте раздвоился зеленоватый лучик.

Узнать световой след от прицела не составило труда. Я невольно шарахнулась спиной к двери, но в трубке раздалось:

— Ты напрасно отступила на шаг. Я теперь лучше тебя вижу, и мой самострел как раз направлен на твою переносицу.

Подтверждая слова незнакомца, по телу затанцевала зеленая точка, скользнула по груди и остановилась где-то на лице. Подозреваю, как раз между бровями. От страха меня парализовало.

— Так что лучше не шевелись. — Он говорил бесстрастно, не злясь и не насмехаясь. При всем желании я не могла пошевелиться. Во рту пересохло, а в висках застучала кровь.

— Кто ты? — У меня сел голос.

— Ты задала неверный вопрос, Веда.

Он знает мое имя! В панике я закрутила головой, словно действительно могла разглядеть безумца через окно.

— Тебе лучше стоять на месте, иначе я войду в дом. Мне будет крайне любопытно увидеть тебя вблизи. У тебя невероятно красивые русые волосы...

— Мой отец страж! — выпалила я. — У него тоже есть самострел!

— Он не успеет его взять, — спокойно парировал убийца. — Скорее всего, он даже не успеет проснуться. Смерть во сне не такой плохой вариант. Как думаешь?

— Хорошо! Хорошо! Поняла! — перебила я. — Просто скажи, каким должен быть вопрос.

— Ты должна спросить, что мне от тебя нужно.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Последний день обычного клерка	5
<i>Глава 2.</i> Почти детективная история	23
<i>Глава 3.</i> Убить клерка	37
<i>Глава 4.</i> Кому мне верить?	47
<i>Глава 5.</i> Враг мой, ты друг мой?	59
<i>Глава 6.</i> Свобода с молотка	77
<i>Глава 7.</i> Кровавая авантюра	89
<i>Глава 8.</i> Лазутчик в глубоком агеловском тылу	112
<i>Глава 9.</i> Смерть на улице Вязовой	138
<i>Глава 10.</i> Соблазнение по классическому сюжету	157
<i>Глава 11.</i> Спрячь меня	166
<i>Глава 12.</i> Зелье на удачу	187
<i>Глава 13.</i> Похищенная	208
<i>Глава 14.</i> Когда ты воскреснешь	230
<i>Глава 15.</i> Ловушка для злодея	258
<i>Эпилог</i>	277